

Ю. С. Толикина
Россия, Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к.ф.н. Э. П. Хомич

**ПОВЕСТЬ В. ОСИНСКОГО "ИЛЬИН ДЕНЬ" В КРУГЕ
СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКОВОГО ЧТЕНИЯ.
(ОПЫТ РЕЦЕНЗИИ)**

«Значит нужные книги ты в детстве читал...»
В.С. Высоцкий

В настоящее время ценность художественного текста во многом определяется его социальной ориентацией. Может ли современная качественная детская литература обойтись без сложных, табуированных тем? Сами читатели-подростки в большинстве своём считают, что может (65% опрошенных по данным журнала «Переплёт» выпуск №2, 2012). Однако, в жизни подобные темы встречаются, являя повод для их культурно-творческого осмысления. Повесть Валерия Осинского "Ильин день" поднимает целый пласт проблем – тут и несовершенство современного российского законодательства в отношении семьи и детства, и коррумпированность чиновников, и детская беспризорность — на первый взгляд, остросоциальная тематика, привычный читателям формат повести, рекомендуют себя с лучшей стороны. Порой родителям проблематично вести с детьми разговор на “неудобные» темы, и почему бы не отдать этот разговор специалистам, более компетентным в данных вопросах?

Одной из неизменных особенностей прочтения подросткового романа остается стремление читателя найти повод для идентификации себя с персонажем. Непосредственность восприятия соседствует здесь с зарождающимся прагматизмом: что читать, зачем читать, для чего узнанное может пригодиться в жизни. Что же предлагает нам повесть Осинского в качестве картины мира тинейджера?

Повесть изначально задает условия для воплощения сюжетного двоемирия. Большое внимание уделяется религии и, так называемым, традиционным ценностям — семья, страна, бог — превыше всего. Данные социокультурные концепты, с одной стороны, являются признаком духовности персонажей, например, деда и бабушки Киры. С другой стороны, им противопоставлена неприглядная реальность, в которой героиня оказывается рожденной в результате репродуктивного принуждения, когда родители её мамы «просят» о внуке или внучке, и «сватают» Наташе «шабашника, одного из тех, что с загорелыми рожами шастали по селу». Кира не была желанным ребенком, даже для собственной матери, а об приходящем пьяным «отце» сказано лишь, что «мерзавец приставлял ножичек к горлу ребенка».

Героиня предстает перед читателем, рассудительной, спокойной девочкой,

с характером, способным противостоять государственной системе и агрессии ровесников. Однако, характеристика героини порой доходит до абсурда. Например, когда Кира говорит, что хочет научиться играть на гитаре и «быть как Игорь Николаев», писатель обнаруживает незнание актуальных подростковых кумиров.

Дневник Киры дает нам более развернутую характеристику её мировосприятия. Он написан нарочито примитивными синтаксическими конструкциями, абсолютно не органичен в композиции. В одной из записей этому находится объяснение - «Мне стыдно признаться в том, что я не люблю читать! Читать скучно!», - пишет Кира. И добавляет: «... мне скучно читать сказки о волшебниках. Они для самых маленьких». Вопрос о мотивации, безусловно, один из самых важных вопросов детского чтения.

Особую роль при отборе и восприятии художественной литературы играет ее компенсаторная функция. Как правило, читатель, предпочитает литературу, восполняющую дефицит обыденности. Тем более противоречиво выглядит то, что Кира, пережив трагическую потерю матери и отца, добровольно отказывается от погружения в иные, «чудесные» миры.

Книга наполнена описаниями различного рода травмирующего психику опыта, который представлен как неизбежность, отрицательно сказывающаяся на личностном становлении подростка. у которой обыденность не блещет яркими красками. Без адекватной компенсации и грамотной выработки защитных механизмов подобный опыт является препятствием гармоничного и полноценного индивидуального развития.

Возрастная маркировка повести не указана. Героиня находится в возрасте, обозначенном в психологии как «среднее детство»: между 8 и 12 годами, возраст Пеппи Длинный Чулок, когда девочка может совершать открытия и наслаждаться приключениями. При этом в книге присутствуют чрезмерно откровенные описания психического и физического насилия. Некоторые вещи попадают под статью УК РФ «Развратные действия в отношении лиц, не достигших 14летнего возраста». При этом, критическое осмысление событий отсутствует, а описанные действия не маркируются, как нечто запретное. Нет указания на степень безнравственности, нет скрытых или явных советов о том, как себя защитить. Угроза для героини исходит отовсюду — друзья, знакомые, старшие родственники мужского пола. При столкновении, пережив травмирующий опыт, героиня доверяет рассказ о нём только дневнику, или хранит абсолютное молчание, что свидетельствует о несформированности доверительных отношений с кем-либо, способным помочь, повлиять на сложившуюся ситуацию. Прививая Кире религиозность, родственники, безусловно, из лучших побуждений, проявляют заботу о духовном воспитании девочки, при этом, однако, забывают воспитать культуру эстетического восприятия человеческого тела и его элементарное устройство. Во время экскурсии в музее Флоренции девочка испытывает чувство стыда от того, что «все скульптуры голые». Из дневника Киры мы узнаем, что в восьмилетнем

возрасте она до сих пор не знает «откуда берутся дети». Невольное свидетельство родов кошки становится для неё шоковой ситуацией. Далее следует описание моментов, когда Кира с подругой смотрят порнографию, подглядывают в душе за соседским дедом. Это естественное развитие событий, в случае, когда подростковое любопытство не находит ответа на возникающие вопросы, однако, в ходе такого познания высок риск формирования ложных представлений о категориях сексуальности, функциях человеческого организма и ролевых моделях, что впоследствии может привести к разнообразным девиациям и общему низкому уровню сексуальной культуры. Подобная тематика долгое время оставалась табуированной в отечественном культурном пространстве и, безусловно, требуется заполнение образовавшегося вакуума.

Манипуляции с едой, приводящие впоследствии к расстройствам пищевого поведения (анорексия, булимия и т.д.) распространены в современном обществе настолько, что многие не видят всей серьезности данной проблемы. Мать Киры пытается наказать её за незначительный проступок лишением ужина, бабушка противостоит наказанию, однако дядя предлагает альтернативу — дать Кире двойную порцию, утверждая, что «это будет самое страшное наказание» для неё. Параллельно происходит высмеивание данной ситуации. В результате девятилетняя Кира делает запись в дневнике - «буду есть меньше, чтоб была красивая фигура», т. е. она принимает решение под влиянием близких людей в сочетании с мнением общественности, задающим определенные стандарты. Автор использует дискриминирующие лексемы, называя судью «жирной тёткой», таким образом предлагая читателю-подростку вербальную стигматизацию полноты, как допустимую и оправданную отрицательной ролью персонажа.

Повесть не лишена патриотической тематики. Описание деревни, празднеств, жизненного уклада и как итог утверждение: «Родина — это там, где твое детство». Однако патриотический дискурс существует только в авторском изложении. Героиня признается себе, что на вопрос, что она знает про историю России, ей пока нечего ответить.

У героев повести оказываются сформированными черты и ценности, категорически нехарактерные для подростка 21 века - безропотное подчинение, отсутствие желания отстаивать собственное мнение: "В школе мы писали сочинение на тему: "Кем я хочу быть". Многие написали неправду про будущие профессии. Потому что так велела Любовь Алексеевна". Не менее странно выглядят у 11летних школьниц патриархальные установки на будущее - "Ксюха Гаврилова говорит, что после школы хочет выйти замуж, родить троих детей и воспитывать их. Деньги должен зарабатывать муж. С ней согласны все девчонки. Я тоже согласна."

Ни описание деревенского празднования Ильина дня, ни воспоминания о путешествиях в дневнике Киры - ни один из этих "светлых" моментов не компенсирует той грязи, которую ретранслирует нам автор. Категории прекрасного, категории комического в произведении отсутствуют напрочь.

Положение даже не спасает видимость «борьбы» за свои права. Видимость, потому что в конечном итоге все проблемы решаются другим человеком, а не теми, кто начал борьбу. Зато в полной мере показана пошлость «реальной» жизни — и какую из этого мораль может извлечь подросток?

Чтение произведения вызывает нескончаемый поток вопросов. Для чего обмельчание личности, скудное национальное и личностное самосознание, бюрократия, подаются как «норма жизни»? Как могло случиться так, что персонажи, позиционируемые автором, как носители идеалов, обладают столь низкой культурой бытия? Для чего в детскую, по сути, книгу автор вводит такое количество обценной лексики?

Российский закон о защите детей от информации, причиняющей вред здоровью и развитию, приняли четыре года назад. За это время он успел стать помехой издателям, книготорговцам родителям и подросткам. Когда по-настоящему хорошие книги остаются за бортом, цензуру проходят подобные произведения. Читать эту книгу подросткам не рекомендую.